

Мультикультурализм и деконструкция этнических границ

Я хотел бы обсудить так называемое этническое возрождение в российских городах на фоне западных дискуссий о мультикультурализме, отталкиваясь при этом от особенностей мультикультурализма советского. С этой целью я попытаюсь сделать некоторые обобщения проведенных нашим Центром исследований формирования этнических общин в Санкт-Петербурге и Эстонии, а также общины (пост)советских эмигрантов в Берлине¹. Я хотел бы также, опираясь на опыт советского и постсоветского общества, выдвинуть ряд аргументов против политики мультикультурализма, и подвести читателя к выводу о необходимости демифологизации и деконструкции этнических границ.

Создается впечатление, что столь популярная еще недавно в Западной Европе дискуссия о мультикультурализме постепенно сходит на нет, так и не приведя к каким-либо практическим результатам. Идеальные либеральные модели интеграции мигрантов в европейское общество, которые предполагали, казалось, соответствующую ясную и эффективную политику, оказывались утопией всякий раз, как только анализ затрагивал реалии сосуществования переселенцев из «третьего мира» с представителями «доминирующей культуры». Проблемы массовой миграции в странах Запада оказались во многом нерешенными в ситуации кризиса идентичности самих европейцев в условиях глобализации и формирования объединенной Европы.

Большинство критиков подчеркивает невнятность самого понятия «мультикультурализм», влекущую за собой большие сложности использования данного термина в научной и общественной дискуссии. Во-первых, характерно смешение разных уровней понимания этой категории: как реальной ситуации в обществе, как политики и стратегии управления, как научной концепции и теоретического конструкта, как публичной дискуссии². Во-вторых, различны дискурсы, в рамках которых работает этот термин. Так, Ф.-О. Радтке³ выделяет программно-педагогический (при помощи которого обосновывается угроза этнических конфликтов), кулинарно-циничный (симпатия к другим опирается в основном на способность этих других обслуживать общество, вписываясь в доминирующую систему правил), демографически-инструментальный (допуск мигрантов ставится в зависимость от собственных ограниченных возможностей обеспечить требуемый прирост населения), реактивно-фундаменталист-

ский (приписывается мигрантам, у которых нет достаточных ресурсов для интеграции) дискурсы. В-третьих, сильно различаются идеологические перспективы анализа: с позиций высшего и среднего слоев, с позиций низшего класса и интегрированных прежних мигрантов, с позиций неинтегрированных мигрантов⁴.

Следует отметить, что при всей неопределенности и многозначности понятие «мультикультурализм» подразумевает пафос стремления к равноправию различных культур, а также модели их равноправного существования в противовес модели гегемонии одной культуры⁵. Не ставя под сомнение идеалы равноправия (но задаваясь вопросом о способах их реализации), я хотел бы обратить внимание на следующую исключительно важную, на мой взгляд, особенность мультикультурализма: в любой его модели имплицитно присутствует эссенциалистское представление об этничности и примордиалистский подход к культуре. В такой модели культурные границы между группами не ставятся под сомнение, а различия жестко фиксированы и легитимированы, что само по себе может стать почвой для ксенофобии. Часть общества или группа мигрантов «естественно» связываются с «иной» культурой, и группе в целом приписывается несуществующая гомогенность. Такой подход повсеместно распространен и в российской (советской) социологической традиции. Поскольку тяжкое наследие эссенциалистской школы Ю.В. Бромлея еще не скоро будет преодолено в России, длительную дискуссию о мультикультурализме можно с уверенностью прогнозировать.

Разрабатывая те или иные идеальные модели развития мультикультурного общества, их авторы оставляют открытым вопрос, как конкретно следует выстраивать механизм интеграции меньшинств в доминирующую культуру, какие методы должны при этом использоваться. Реальные сведения о социальном положении мигрантов в таких рассуждениях чаще всего отсутствуют. Я бы отметил преимущественно спекулятивный характер дискуссии в целом. Исследования (если и проводятся) весьма поверхностны, опираются на массовые опросы и на статистику, результаты которых трудно интерпретируемы. Авторы таких исследований получают результаты, которые уже заведомо заложены в формулировках вопросов, отражающих систему их собственных общественных представлений и не затрагивающих социальные конструкты респондентов⁶.

В разных обличьях проблемы мультикультурализма в России (СССР) обсуждались в течение многих десятилетий. Есть основания назвать СССР страной победившего мультикультурализма. Этнические границы в советский период служили не только одним из критериев формирования внутренней политики («интернационализм» в этническом смысле, «дружба народов»), но и были доведены до логического предела. Разделение

общества по национальным признакам стало превалировать над всеми прочими, привязываясь к тем или иным территориям. Пространство было административно иерархизировано, в зависимости от степени «важности» (с точки зрения властей) того или иного «народа». Соответственно распределялись права, привилегии и ресурсы. Для советских граждан этничность не была делом самоидентификации или выбора, а жестко приписывалась государством и заносилась в документы. Судьба гражданина была тесно связана с политикой государства и восприятием обществом тех или иных «национальностей». Культурные различия признавались ценными сами по себе, так что естественным казался вывод о необходимости развития и защиты слабых культур, «малых народов», и, соответственно, политика льгот и позитивной дискриминации для отдельных групп населения страны.

Главное, за что принцип мультикультурализма следует подвергнуть критике, это то, что он находится в противоречии с принципом равенства индивидуальных возможностей. Право быть иным может само по себе рождать оправдание неравенства. Льготы слабым, политика квотирования, столь распространенные в Советском Союзе и в постсоветской России, неизбежно ведут к дискриминации сильных. Советская история на многих примерах демонстрировала недостатки функционирования «мультикультурного» общества. Так, квотирование при получении высшего образования перестало играть стимулирующую роль для так называемых малых народов, зато стало серьезным препятствием для жизненной карьеры тех, кого государство «назначило» быть евреем. С другой стороны, льготы представителям определенных этнических групп приводили к стремлению всеми правдами и неправдами получить статус принадлежности к ним.

Не только советская практика может продемонстрировать неудачи мультикультурной политики в исправлении исторически сложившихся несправедливостей по отношению к отдельным группам населения. Типичный пример — малоуспешные попытки преодолеть социальное неравенство между черным и белым населением в США в последние десятилетия. Как правило, предоставление особых условий «слабым» и их поддержка стимулируют с их стороны не стремление ликвидировать неравенство, а напротив, консервацию привычных, ориентированных на патернализм образцов поведения.

Разумеется, в некоторых обществах в определенные периоды развития политика мультикультурализма (с использованием механизма позитивной дискриминации) может использоваться как временное сильное лекарство против устоявшихся расистских установок и практик. Однако длительное применение такого лекарства грозит привыканием и опасностью возник-

новения мощного противодействия с возможностью возвращения прежних дискриминационных практик. Типичный пример передозировки — советское общество. Вот почему большинство социальных конфликтов в современной России имеют тенденцию к немедленной этнизации. В кризисных ситуациях расистские установки неизбежно усиливаются, поскольку у современном обществе обычно преобладает тот самый кулинарно-этнический мультикультуралистский дискурс, о котором я говорил выше⁷. Так, симпатии части российского населения к «кавказцам» в советское время опирались, грубо говоря, на кавказскую кухню и на представления о безграничном кавказском гостеприимстве. Однако как только возникла конкуренция (или даже только угроза таковой) на рынке труда и жилья, симпатии немедленно сменились выраженной кавказафобией значительной части россиян⁸.

Для объяснения сегодняшнего восприятия этнических границ в российском обществе полезно обратиться к известной типологии мультикультурных обществ, предложенной Дж. Рексом, который выделил четыре модели организации таких обществ в зависимости от политики государства в публичной и приватной сферах⁹.

1. Политика унитаризма в публичной сфере при сохранении разнообразия в приватной.

2. Политика унитаризма в публичной сфере при стимулировании единства культурных практик в приватной сфере (французская модель ассимиляции мигрантов).

3. Разнообразие и различие прав в публичной сфере, поддержка разнообразия культурных практик в группах (типичная модель колониализма, апартеид).

4. Разнообразие и различие прав в публичной сфере, формирование одинаковых практик в приватной сфере (американская модель до начала борьбы за гражданские права негров).

Некоторые следствия советской политики модернизации — а именно, огромные различия между городом и деревней — способствовали воспроизводству сразу двух моделей мультикультурализма: типично колониальной на уровне страны в целом и прежней американской модели для городского населения.

Представляется, что для понимания проблем современного российского общества важным инструментом может стать анализ соотношения публичной и приватной сфер и тех правил, которые определяют социальные действия в этих сферах. Советское общество в этом плане имело существенные особенности, которые сводились к жесткой границе, отделявшей правила поведения в официальной публичной сфере от правил, действовавших в специфическом приватно-публичном пространстве, которое, в

свою очередь, не было четко отделено от собственно приватной сферы¹⁰. С этой точки зрения те представления, которые существовали в официальной публичности в последние три советских десятилетия, были весьма далеки от «реальной» жизни городского населения страны (приватно-публичной сферы). Неравенство и различия постоянно воспроизводились в официальной публичной сфере (при формальной пропаганде полного равенства), зато в «реальной» повседневности горожан они были практически незаметны.

Именно последняя модель мультикультурализма (дифференцированные права в публичном пространстве и одинаковые практики в приватном) представляет наибольший интерес, поскольку в урбанизированном российском обществе, где город абсолютно доминирует над сельской местностью, именно городские практики, правила и образцы социальных контактов постепенно распространяются среди всего населения.

Советская национальная политика оставила значительный след в формировании особого пути развития советского общества. Хотя нельзя утверждать, что цель создания гомогенного «советского народа» была достигнута, однако этническая упорядоченность и представления о границах в дореволюционной империи за семь десятилетий были столь решительно преобразованы, что простое возвращение в прежнее пространство идентичностей, разумеется, невозможно. Во всяком случае, в городах возник новый доминирующий тип человека, этнической идентичностью которого стала «советскость». Этничность же, приписанная государством, обычно играла малозначимую роль в повседневной жизни — по крайней мере, городских жителей. Традиционные этнические общинные институты были ликвидированы еще в 1930-е годы, был затруднен и практически разрушен механизм передачи этничности в процессе социализации¹¹.

Культурные практики в приватной сфере советского общества были преимущественно едины, сформировалась общая городская культура. Различия, если и существовали, были связаны не с принадлежностью к какой-то этнической группе, а со средой, в которой происходила социализация. Поскольку же различия из формальной этнической идентификации вовсе не следуют (внутригрупповые различия превышают различия межгрупповые!), то привычное распределение социологами информантов (респондентов) по этническим группам — ничто иное как манипуляция. Наши исследования показали, что априорное определение этнической группы и ее границ, отношение к группе как к статистической неизбежно ведет к созданию артефактов и далее влияет на формирование неадекватной политики и распространение расистского дискурса.

Хотя для многих исследователей этничность являет пример особенно наглядного конструкта, однако в обществе (да и в социологическом сообществе!) распространена глубокая вера в ее эссенциальность. В процессе

коммуникации люди нередко ориентируются (в своем поведении) на этнические признаки другого, а потому и социолог в объяснениях мотивов социального действия вынужден относиться к этничности как к «реальности» других. Тем более, что эта «реальность» во многом определяет развитие политических процессов на постсоветской территории, активно дискутируется в публичном пространстве и является ресурсом в борьбе за серьезные социальные изменения. Исследования новых этнических общин в российских городах, проводившиеся в последнее десятилетие, показывают, как формируются властные стратегии, использующие этничность в качестве ресурса.

Сам процесс формирования общин в российских городах представляет особый интерес, поскольку имеет существенные особенности на фоне мирового опыта и поскольку этнические мифы во многом определяют формирование российской «национальной политики». В Западной Европе главная этническая проблема — интеграция иммигрантов из «третьего мира», объединяющихся в рамках соответствующих общин (исследований в этой области несметное количество). В российских городах явления, внешне сходные с происходящим в странах Запада, требуют принципиально иной интерпретации.

Обычно исследователи рассматривают в качестве этнической общины в том или ином городе совокупность всех тех, кому государство приписало определенную «национальность». Власть в данной общине приписывается зафиксированным «этническим» организациям («национально-культурным обществам»). Мигранты таким образом якобы попадают в знакомую среду, которая помогает им успешно адаптироваться. Однако наши исследования никоим образом не подтверждают подобную («европейскую») схему адаптации мигрантов в российских городах.

Как я уже упомянул, значение этнической идентичности у бывших граждан СССР крайне преувеличено. Подавляющее большинство советских людей либо не имело (и не имеет!) ее вовсе, либо она была столь незначимой в ряду прочих идентичностей, что ни в коей мере не определяла поведения людей. Из этого следует, в частности, и то, что мигранты ведут себя в основном не в соответствии с приписанной этнической идентичностью (как то априорно утверждают исследователи), а в соответствии с правилами, определяющими поведение типичных «советских людей».

¹⁰ Это подтверждают и безуспешные попытки «этнических» организаций мобилизовать в свои ряды хоть сколько-нибудь заметное число участников. Можно вспомнить полный провал одного из кандидатов в президенты России, который делал ставку на «этнические меньшинства», пытаясь своей пропагандой вызвать усиление этнической самоидентификации и внушая представление о примате некоего общего интереса этнических меньшинств.

стве, которые заставляют пересмотреть традиционные ценности. Однако нерушимость внутренних границ нам страшно подвергнуть сомнению. И если социолог (или этнолог) не обязан стремиться «воспитывать» общество, то отказаться от многих сконструированных ранее якобы аксиоматических представлений — его долг перед научным сообществом. Действительно ли, например, столь ценно сохранение исчезающих культур или поддержка культур «слабых»? Не тормозит ли глобализационные процессы поддержка публичных представлений о культурных границах? Не пора ли исследователям постепенно отказаться от этнической терминологии при объяснении социальных процессов, подобно тому, как они отказались от расовых понятий?

Сегодня российский социолог вольно или невольно служит власти. Своей деятельностью он помогает «научно» обосновывать приписываемую государством своим гражданам этничность. Когда-то социолог вместе с чиновником сконструировал понятие этничности, чем помог власти разделять подвластный народ по новым основаниям, для того чтобы было удобнее им править. Одновременно в обществе шла индоктринация новых представлений, итогом которой стала вера в «естественность» этнических границ. Не пора ли социологу «искупить свою историческую вину»? Следовало бы перестать акцентировать внимание на этничности (а заодно и на понятии «культура», которое постепенно начинает занимать место справедливо вытесненного понятия «раса»), постепенно отказаться от этой категории. Можно обсуждать проблемы как этнические (постольку, поскольку обществу они видятся пока именно таким образом), но только в пределах научного сообщества¹⁴. Однако в политизированной публичной дискуссии — ни слова об этничности! Несмотря на очевидную сконструированность этнических представлений, социальный исследователь, публично оперируя ими, вольно или невольно всем авторитетом стоящей за ним науки укрепляет самые пагубные заблуждения, поскольку в публичном дискурсе обсуждение каких-либо проблем общества как проблем этнических до сих пор неизбежно влечет за собой расизм.

Будучи гражданином, социолог (этнолог) должен требовать равной поддержки всех ассоциаций граждан, независимо от критериев объединения (пусть и этнических!), поскольку условия для развития общественных наук существуют только в хорошо организованном гражданском обществе.

¹ Основные результаты этих исследований см.: Конструирование этничности: этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб., 1998; Post-sowjetische Etnizitaeten. Etnische Gemeinden in St. Petersburg und Berlin/Potsdam / Hg. I. Oswald, V. Voronkov. B., 1997. Кроме того, сотрудниками Центра независимых социологических исследований подготовлена к печати книга об «этнической» экономике в Санкт-Петербурге.

² *Mitzel A.* Ist das Konzept der multikulturellen Gesellschaft gescheitert? // *Passauer Papiere fuer Sozialwissenschaft*. Pa 21. Universitaet Passau. 1998. S. 2; *Dangschat J.* Nur ein Irrtum? Von der eigenen Ueberschaetzung der Erfinder der «multikulturellen Gesellschaft» // *Grenzenlose Gesellschaft?* T. 2. / Hg. C. Hohheger, S. Hradil, F. Traxler. Opladen, 1999. S. 519–538.

³ *Radtke F.-O.* Marktwirtschaft, Multikulturalismus und Sozialstaat // *Neue Gesellschaft-Frankfurter Hefte*. 37. 1990. S. 900–912.

⁴ *Dangschat J.* Op. cit. S. 524.

⁵ Наиболее детальную типологию этих моделей с критикой каждой из них см. в: *Hettlage R.* Multikulturelle Gesellschaft zwischen Kontakt, Konkurrenz und «accommodation» // *Berliner Journal fuer Soziologie*, 1996. № 2. S. 163–180.

⁶ *Voronkov V.* Corruption of Statistics // *Transition*. 1998. № 5. P. 40–45; *Воронков В.* За пределами публичного пространства (рефлексия социолога) // *Неформальная экономика* / Под ред. Т. Шанина. М., 1999. С. 84–93.

⁷ *Radtke F.-O.* Op. cit. S. 902–907.

⁸ Утверждение о массовой кавказофобии стало общим местом в научных и общественных дискуссиях, поскольку этот феномен «измерен» не одним десятком исследователей. Однако методы этих исследований (массовые опросы) заставляют сомневаться в возможности интерпретации тех или иных численных данных. Очень типичны в этом смысле исследования, например, З. Сикевич, которая утверждает, что за «очищение» Петербурга от «кавказцев» высказываются 70–89% жителей города. См.: *Сикевич З.* Этническая неприязнь в массовом сознании россиян // *Нетерпимость в России: старые и новые фобии* / Под ред. Г. Витковской и А. Малащенко. М., 1999. С. 107.

⁹ *Rex J.* The concept of multicultural society // *The Ethnicity Reader: Nationalism, Multiculturalism and Migration* / M. Guibernau, J. Rex (eds.). Cambridge, 1997. P. 208.

¹⁰ *Воронков В.* За пределами публичного пространства (рефлексия социолога) С. 84–93.

¹¹ *Воронков В., Чикадзе Е.* Ленинградские евреи: этничность и контекст // *Биографический метод в изучении постсоциалистических пространств* / Под ред. В. Воронкова и Е. Здравомысловой. Тр. ЦНСИ. Вып. 5. СПб., 1997. С. 74–78; *Конструирование этничности: этнические общины Санкт-Петербурга.*

¹² *Воронков В., Освальд И.* Постсоветские этничности: этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб., 1998. С. 6–36.

¹³ Впрочем, сходные процессы мы можем наблюдать в последнее время в США. Исследования Мэри Уотерс (*Waters M.* *Ethnic Options. Choosing Identities in America*. Berkley; Los-Angeles; Oxford, 1990) убедительно продемонстрировали, что за новым интересом к этничности у нового класса стоит не возрождение «человека этнического», как это объясняется многими социологами, а только «этничность свободного времени». В США это возрождение нередко направлено против позитивной дискриминации черного меньшинства. Мол, смотрите, мы, ирландцы (поляки, немцы), преуспеваем, в Америке все могут преуспевать, так что нечего помогать черным, у них те же равные шансы.

¹⁴ О пользе такого своего рода возвращения в «башню из слоновой кости» упоминает также В. Тишков. См.: *Тишков В.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 89.